

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ ЕСТЕТИКИ ТА ПОЕТИКИ ЛІТЕРАТУРНОГО ТВОРУ

УДК 82.09

В.В. ЛЮБЕЦКАЯ,

*кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русской филологии и зарубежной литературы
Государственного высшего учебного заведения
«Криворожский национальный университет»*

ДВА ВОСПРИЯТИЯ МИРА: ПОЭТИКА И СТИЛЬ РОМАНА И.А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

Рассматривается поэтика и стилистические особенности прозы И.А. Гончарова, для писательской манеры которого характерна объективность, правдивость изображения повседневной жизни и обычных людей. При «обыкновенности» взгляда видение мира у И.А. Гончарова отличается необычным охватом эмпирической реальности, *зримо* воплощенной в произведениях писателя. В процессе анализа двух мировоззрений в романе «Обыкновенная история» – идеалистического взгляда на мир и реалистического видения жизни – отмечается, однако, что И.А. Гончаров, как требовательный художник, стремится к целостности и единству «обыкновенного» и «необыкновенного», наполняя свою объективную прозу поэзией бытия.

Ключевые слова: стиль, поэтика, мировосприятие, объективность, обыкновенное, необыкновенное, целостность.

Поэтика И.А. Гончарова и стилистические особенности его прозы всегда представляли интерес для критиков и литературоведов. Писательской манере И.А. Гончарова характерна объективность, правдивость изображения повседневной жизни и обыкновенных людей. При «обыкновенности» взгляда, видение мира у И.А. Гончарова отличается необыкновенным охватом эмпирической реальности, *зримо* воплощенной в произведениях писателя. И.А. Гончаров, как взыскательный художник, добивается обстоятельного и всестороннего изображения реального мира, среды, обстоятельств, которые влияют на героя. Умственные размышления о явлениях жизни дополняются самобытными художественными образами писателя художника и мыслителя. Интеллектуальное, логическое начало освещено ярким светом гения И.А. Гончарова, зримым насквозь, являющим нам не копию жизни, а преображенную новую художественную реальность. И.А. Гончаров издавна считается одним из самых объективных русских писателей, художником «золотой середины», то есть его личные ценности вроде бы как не имеют значения для разрешения дела, вынесения приговора. Внимая «добру и злу равнодушно», И.А. Гончаров дает право своему читателю вершить суд самостоятельно. В романе «Обыкновенная история» эта мысль дается в чистом виде устами сотрудника журнала: «...Писатель тогда только, во-первых, напишет дельно, когда не будет находиться под влиянием личного увлечения и пристрастия. Он должен обозревать покойным и светлым взглядом жизнь и людей вообще, – иначе выразит только свое я, до которого никому нет дела» [1, с. 178]. Такую творческую ситуацию И.В. Гете называет, как мы помним, «манерой» в работе «Про-

стое подражание природе, манера, стиль», где предлагается трихотомия – тройное разделение методов искусства. Объекту, в таком случае, придается субъективная форма личности художника-творца, сложность и многоаспектность деталей ускользает от взора автора, и акцент делается на единичном явлении, индивидуально осознанным создающим сознанием: «Он видит гармонию многих предметов, которые можно поместить в одной картине, лишь пожертвовав частностями, и ему досадно рабски копировать все буквы из великого букваря природы; он изобретает свой собственный лад, создает свой собственный язык, чтобы по-своему передать то, что восприняла его душа, дабы сообщить предмету, который он воспроизводит уже не впервые, собственную характерную форму» [2, с. 26]. Дух говорящего, по мнению, И.В. Гете, запечатлевает и выражает себя: «...и вот возникает язык, в котором дух говорящего себя запечатлевает и выражает непосредственно... Каждый художник этого толка будет по-своему видеть мир, воспринимать и воссоздавать его, будет вдумчиво или легкомысленно схватывать его явления, основательнее или поверхностнее их воспроизводить» [2, с. 27]. Признавая, что талант И.А. Гончарова «сильный, замечательный», В. Г. Белинский полагает, что творческая «объективная» манера И.А. Гончарова если и не произвольна, то слишком аморфна: «У него нет ни любви, ни вражды к создаваемым им лицам, они его не веселят, не сердят, он не дает никаких нравственных уроков ни им, ни читателю; он как будто думает: кто в беде, тот и в ответе, а мое дело сторона. Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства» [3, с. 382]. Удел других писателей, по мнению В.Г. Белинского, «мысль», идея, а уж потом «поэзия» [3, с. 382], тогда как И.А. Гончаров – «художник» по преимуществу. «Объективность» прозы И.А. Гончарова, а соответственно, и достоверность изображаемой им действительности, как и «схоластический вопрос о том, является ли Гончаров «подлинно реалистом», стал на долгие годы предметом спора между критиками и литературоведами, по замечанию О.Г. Постнова [4, с. 32]. Характерно, что сам писатель утверждает вслед за В.Г. Белинским, что он именно «художник», а не идеолог, что его дело «рисовать», а выводы пусть делают другие, ведь для того именно и существует «объективное» творчество [4, с. 32]. Так, в статье «Лучше поздно, чем никогда» И.А. Гончаров обосновывает природу собственного метода, всего художественного творчества, начиная размышлять о процессе «сознательного» и «бессознательного» творчества, он относит себя к художникам, мыслящим образами: «Я о себе прежде этого скажу, что я принадлежу к последней категории, то есть увлекаюсь больше всего (как это заметил обо мне Белинский) «своею способностью рисовать». Рисую, я редко знаю в ту минуту, что значит мой образ, портрет, характер: я только вижу его живым перед собою – и смотрю, верно ли я рисую, вижу его в действии с другими – следовательно, вижу сцены и рисую тут этих других, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще вполне, как вместе свяжутся все пока разбросанные в голове части целого» [5]. И все таки, нельзя сказать, что И.А. Гончаров творит бессознательно, его «объективность» особого рода, это не «простое подражание природе», о котором И.В. Гете говорит следующее: «Художник копирует наглядные, непосредственно воспринятые им внешние формы. Его работы будут отличаться особой правдивостью, станут «уверенными, сильными, разнообразными» [2, с. 26]. «Простое подражание природе» – художественный метод, близкий копированию, «спокойному утверждению сущего» [2, с. 26]. И.В. Гете находит данный метод слишком объективным, ничего не говорящим о субъективных намерениях художника. Соединение объективного и субъективного методов происходит в «стиле». Очевидно, что И.А. Гончаров вырабатывает стиль, где органично соединяются сильный объективный художник и вполне сознательный критик. По мысли О.Г. Постнова, «...выступая в качестве художника по преимуществу, даже прямо настаивая, что «художники очень дурно делают, что начинают говорить с публикой не творчеством», Гончаров в то же время предпринимает целое исследование чуть ли не всего своего творчества целиком: вначале в частной переписке, посвящая друзей в творческие замыслы, описывая им ход работы, а затем и в серии критических статей и заметок уже перед публикой он подвергает свои произведения самому пристальному анализу, оговорившись лишь, что не выдает «этот анализ своих сочинений за критически непреложный критерий» [4, с. 33].

Объективное творчество есть основа реализма, такова эстетическая концепция И.А. Гончарова, особенность его поэтики и художественного стиля. То есть самый «бессо-

знательный», «близкий к идеалу чистого искусства» «поэт-художник», искренне стремящийся к тому же достичь этот идеала, на деле оказывается едва ли не самым «сознательным», хотя и не бесстрастным критиком собственного творчества» [4, с. 34]. Путь И.А. Гончарова к реализму идет через психологизацию характеров, через мотивировку событий, создание бытового и социального фона действия: «Гончаров прежде всего – первый русский писатель-романист, художник, полностью посвятивший свое перо разработке новой для реализма формы эпического жанра. Его произведения являют собой итог становления реалистического романа первой трети XIX в., завершают этап, начатый Пушкиным, продолженный Лермонтовым и Гоголем, и одновременно открывают следующий, второй, этап, представленный романами Тургенева, затем Толстого и Достоевского» [4, с. 18]. Своими учителями И.А. Гончаров считает А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Н.В. Гоголя, опуская творчество Ф.М. Достоевского. Как отмечает Н.И. Пруцков, до И.А. Гончарова русской литературе были известны роман в стихах, роман как совокупность повестей, роман-поэма и роман в письмах. «Обыкновенная история» – первый в русской литературе XIX в. реалистический, прозаический роман в прямом, в точном смысле этого слова» [6, с. 29–30].

Итак, литературными истоками романистики И.А. Гончарова называют следующий ряд произведений: «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Мертвые души» Н.В. Гоголя. От А.С. Пушкина И.А. Гончаров воспринял чувство меры, предельно простую и статную форму, наполненную глубоким значением. В пушкинской поэтической прозе впервые достигается эстетизация обыкновенной жизни. В «поэзии жизни» изображаются невозвышенные и даже заурядные события, а характеры героев раскрываются как сложные, неоднозначные и потому неисчерпаемые. И.А. Гончаров создает и реалистические образы, и превосходный художественный язык, который В.Г. Белинский назвал языком чистым, правильным, легким, свободно льющимся. Вслед за А.С. Пушкиным семантическую систему литературного языка углубляет М.Ю. Лермонтов, который разрабатывает новые формы сжатого и образного выражения мыслей и сложных чувств. Следовательно, язык М.Ю. Лермонтова оказывает сильное влияние на последующие стили художественной литературы, в том числе и на творчество И.А. Гончарова. Всеохватный стиль Н.В. Гоголя, воспроизводящий действительность «во всей истине», со всеми отрицательными сторонами будничного быта, сказывается у И.А. Гончарова прежде всего в критическом подходе к отдельным явлениям жизни, в тщательности изображения бытовых сцен, в обработке деталей, в тоне повествования в лирических отступлениях и обращениях к читателю. У И.А. Гончарова намечается линия нравоописательно-сатирического очерка и рассказа с реалистическими элементами бытоописания. Одним из главных предметов изображения становится внутренний мир героев, благодаря различным художественным средствам (антитезе, иронии, метафоре) автор показывает своих героев во всей их сложности и противоречивости, объясняя их силу и слабость.

Однако, творчество И.А. Гончарова ни типологически, ни идейно, ни психологически не принадлежит какой-либо одной школе, направлению или периоду в развитии русской литературы и общественной мысли, «...являясь как бы мостком, переходом от одного к другому, а часто и синтезом противоположностей» [4, с. 22]. Самобытность и «срединность» поэтики И.А. Гончарова позволяет некоторым исследователям отмечать отсутствие отражения личности автора в его произведениях. На этом основании утверждается и объективность творчества И.А. Гончарова. Говоря об авторской активности в парадигме соотношения объективного и субъективного начал в творчестве писателя, отметим, что «присутствие» личности И.А. Гончарова в его произведениях неоспоримо. Иногда личность писателя сознательно сокрыта, но проявляется на уровне отношения к героям, а также в мировоззренческих и идеологических манифестациях. Таким образом, видение мира у И.А. Гончарова целокупно и, по мнению авторитетных литературоведов – Е.А. Краснощечковой, В.И. Мельника. М.В. Отрадина – он писатель гармоничный и объективный, балансирующий в пространстве нормы и утверждающий ее во всех своих произведениях [7, с. 3].

Загадка личности писателя приводит исследователей середины XX в. (Ю. Гаецкого, В.Н. Есенкова, И. Синцова) к выводам о «двойственности» И.А. Гончарова, писателя раннего, скрывающего себя «за маской Обломова или чиновника-цензора, все время надеющегося на прозорливость окружающих» [7, с. 3]. Эта «двойственность» отображается в

произведениях И.А. Гончарова, где представлены различные, антиномичные взгляды героев на мир. Так в романе «Обыкновенная история» есть не одно, а два мировосприятия, составляющих драматическое содержание романа, увлекательную и динамичную дуэль двух взглядов на жизнь, противоположность идеалов молодого человека Александра Адуева и его дяди Петра Ивановича Адуева. Романтический, а потому «идеальный мир» юного Александра составляет оппозицию миру реальному, противоречивому и далекому от романтического идеала. Противостояние «романтика» и «действительности», «романтика» и «окружающего мира» подается И.А. Гончаровым в ироническом ключе. В целом же для гончаровской концепции действительности характерно определение – обыкновенная. Обыкновенная картина мира приходит на смену прежним гоголевским чудесам, героическим личностям М.Ю. Лермонтова и драматическим ситуациям А.С. Пушкина. Все обыкновенное однообразно и прозаично. В значении прямого содержательно-эстетического термина понятие это употребляется и В.Г. Белинским в его суждениях о повести и романе. «Обыкновенность» как содержательно-эстетический термин порой употребляется как понятие жанропорождающее повесть и роман. «Если роман обращен в первую очередь к «частному человеку» со всем его «обыкновенным, повседневным, домашним», то он и сам может быть назван, в отличие от эпической поэмы, трагедии или оды, формой «простой и... обыкновенной», что не расходилось с его действительным демократизмом и доступностью для относительно широкой публики» [8, с. 7]. «Обыкновенность» и эквивалент «господствующему духу времени». Под «обыкновенностью» подразумевается не только частная, повседневная сфера деятельности, но современная жизнь как таковая, во всех ее гранях и объеме. Прозаизм устанавливающегося «века» И.А. Гончаров «будет рассматривать как его структурно-внутреннее, при этом исторически неизбежное качество. Уже по этой причине Гончарова не могло удовлетворить оценочное отношение к явлению – положительное или отрицательное. Предстояло подвергнуть его всестороннему анализу, создать адекватную ему художественную концепцию и литературную форму» [8, с. 10].

«Обыкновенная история» была одним из первых реалистических русских романов в прозе. Часто его объединяют в неформальную трилогию с последующими романами И.А. Гончарова «Обломов» и «Обрыв». Как любое классическое произведение, аккумулирующее в себе множество смыслов, трилогия И.А. Гончарова открыта многочисленным интерпретациям, что дает основания для изыскания новых смысловых и художественных нюансов, заключенных в образах, сюжете, в слове писателя. Традиционно рассматривают романы «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв» как «единое целое» еще и потому, что они отличаются стилистическим единством, содержат сквозные образы, интерпретация которых позволяет уточнить глубинный смысл данных художественных произведений. В романе «Обыкновенная история» выразительно обрисована русская действительность того времени, типические обстоятельства жизни героев, что, как известно, является важнейшим признаком реализма. Сюжет романа развивается последовательно, события вытекают из особенностей характеров и взглядов персонажей романа. И.А. Гончаров проявляет себя как мастер бытовых, портретных и пейзажных зарисовок, а главное – писателем схвачен всемирно-исторический момент смены разных эпох и типов личности. «Это дорога из старого уклада и мира (помесье Грачи) в мир новый, еще неведомый, олицетворяемый столичным Петербургом. На протяжении всего произведения его главный герой Александр Адуев пребывает... в состоянии странника, и лишь в эпилоге мы увидим его «вписанным» в «новый порядок» или «век», как солидарно с предшественниками предпочитает уточнить романист» [8, с. 11].

Романтичный Александр Адуев является в Петербург из надежных и заботливых материнских объятий, он еще совсем наивное дитя. Герой показан читателю в решающий для него день, он окрылен высокими и благородными душевными порывами, жаждет вступить в решительный бой со всем бездушным, расчетливым, гнусным. Молодой наследник патриархального поместья Грачи «покидает уже стесняющий его традиционный жизненный уклад» [8, с. 11]. Александр желает быть полезным отечеству, мечтает «о... труде, о высоких стремлениях... считая себя гражданином нового мира...» [1, с. 45]. Напрасно мать Александра просит его не покидать родной уголок, оставить все неведомое и непонятное, избежав «омута» петербургской жизни: «Ему... тесен стал домашний мир. При-

роду, ласки матери, благоговение няньки и всей дворни, мягкую постель, вкусные яства и мурлыканье Васьки – все эти блага, которые так дорого ценятся на склоне жизни, он весело менял на неизвестное, полное увлекательной и таинственной прелести ... Он мечтал о колоссальной страсти ... и о пользе, которую принесет отечеству ... мечтал о славе писателя. Перед ним расстилалось множество путей, и один казался лучше другого» [1, с. 18–19]. Юный герой описан И.А. Гончаровым с тонкой иронией – его отъезд из дома, клятвы в вечной любви Сонечке и своему другу Пospelову. Насмешливо изображено и прибытие провинциала-идиалиста в Петербург. Образ Александра, его надежды трогательны, как бы комически или трагикомически ни претворились они в дальнейшем, они «... выгодно отличают Адуева-младшего от всякого рода Антонов Ивановичей, помещиков Заезжаловых и девиц-помещиц Горбатовых, самой хозяйки Грачей, сросшихся «со своим узким общественным мирком... так же тесно, как улитка с раковиной» [8, с. 11].

Итак, Александр Адуев покидает традиционный уклад, стремясь к современному Петербургу, желая идилично слиться с «окном», ведущим в Европу. Однако обаяние, поэзия и благодать находятся за пределами большого, хаотичного и дробного мира, где господствует индивидуалистическое сознание. Восторженного Александра, привыкшего бурно выражать свои чувства, удивляет холодность родного дядюшки. Мир меняется, появляется оппозиция, раздирающая душу героя – «свой-чужой», ведь в Грачах все «свои», а в Петербурге – все, даже родные люди, «чужие», мысли и чувства каждого крепко заперты. Провинциал ждет и думает, что в домах «отворят ему широкие объятия, не будут знать, как принять его, где посадить, как угостить ... он, под конец, бросит все церемонии, расцелует хозяйина и хозяйку, станет говорить им *ты* ... все подопью наливочки, может быть, запоют хором... Куда! на него едва глядят ... Хозяин пятится от объятий ... его искусными намеками стараются выпроводить... Все назаперти ... А там ... входи смело... Обнимаются целуются все, и встречный и поперечный ... живут рука в руку, душа в душу; родственник – так родственник: умрет за своего... эх, грустно!» [1, с. 44–45]. Александр стремится «обнять и прижать к груди обожаемого дядю», но Петра Ивановича это приводит в ужас и в замешательство.

Петр Иванович Адуев, дядя Адуева-младшего, тридцатилетний столичный и богатый житель Петербурга, является антиподом Александра. Петр Иванович – чиновник особых поручений, владелец стекольного и фарфорового завода, человек трезвого ума и практического смысла, который «сам нашел себе дорогу» [1, с. 39]. Автор наделяет своего героя юмором и сарказмом, это опытный и знающий жизнь человек. Петр Иванович Адуев представитель нового общества, враждебного патриархальной цельности, гармонии того мира, который покинул его племянник. Он презрительно относится к людям, не приспособленным к жизненной борьбе, не умеющим владеть собою. «Восторги, экзальтация» раздражают Петра Ивановича. Человек для него только тогда человек, когда умеет управлять своими чувствами. Как человек дела и трезвого ума, он считает, что дружба, любовь, поэзия, слава – красивые, но пустые слова; глупость молодости, блажь и слабость. Во всем, по мнению Адуева-старшего, нужен расчет: в дружбе, в любви, в женитьбе и даже в творчестве. Уверено и безапелляционно дядя разбивает воззрения своего горячего племянника. Возвышенное умонастроение Александра – явление временное, не составляющее, по мнению дяди, сути этого человека. Александр имеет склонность к «искренним излияниям», творит в своей душе «особый мир», поэзия и искусство противопоставлены у него «низкой действительности», любовь и дружба – неизбежны и вечны. Грядущий новый мир в лице Адуева-старшего высмеивает все ценности Александра – «вещественные знаки невещественных отношений», «героическую дружбу», «колоссальную страсть», стремление духа. «В Александровском «взгляде на жизнь» романтически преломлены безусловность и абсолютность героических в своих истоках требований и мерок, не приемлющих обыкновенные, повседневные проявления и обязанности бытия, всю его прозу вообще» [8, с. 30]. Однако, нехорошие прозаические предсказания дяди – это все то, что происходит в этой истории с его племянником. Испытаниями для Александра становятся не героические, а обыкновенные обстоятельства. «Писатель погружает его в реальные, а не мечтательные отношения чиновничьей службы, журнальной литературы, родственных связей с дядюшкой и более всего – любви» [8, с. 30].

Александр очень скоро, как и предсказал дядя, забывает Сонечку и «символы их вечной любви». Со всем пылом молодости и страсти он влюбляется в Наденьку Любецкую. Эта любовь целиком заполняет героя, он забывает о советах дяди, об обязанностях, о деле. Мысленно Александр Адуев спорит со всем «прозаическим»: «И дядюшка хочет уверить меня, что счастье химера, что нельзя безусловно верить ничему, что жизнь... бессовестный ... Нет, вот жизнь! Так я воображал ее себе, такова она должна быть, такова есть и такова будет! Иначе нет жизни» [1, с. 101]. Проза жизни вытесняет все-таки поэтические мгновения, и после идеальных мечтаний Александр Федорович вдруг слышит, что «простокваша давно на столе»: «За мигом невыразимого блаженства вдруг простокваша... Ужели все так в жизни?» [1, с. 101]. Дядя, узнав о новой любви племянника, предрекает ему скорый обман: «...все-таки женщина, и, вероятно, обманет» [1, с. 84]. Александр негодует: «Она обманет! Этот ангел, эта олицетворенная искренность, женщина, какую, кажется, бог впервые создал во всей чистоте и блеске...» [1, с. 84].

Страшное сбылось и Наденька обманула. Она полюбила графа, позабыв Александра. Адуев оскорблен и удивлен одновременно: «Ты ли это, капризное, но искреннее дитя? эта шалунья, резвушка? Как скоро выучилась она притворяться? как быстро развилась в ней женские инстинкты! Ужели милые капризы были зародышами лицемерия, хитрости?.. вот и без дядиной методы, а как проворно эта девушка образовалась в женщину! и все в школе графа, и в какие-нибудь два, три месяца! О дядя, дядя! и в этом ты беспощадно прав» [1, с. 125].

Притязания героя комичны, они снижены автором намеренно, и герой неизменно оказывается в трагикомическом положении. Встреча с другом детства, для которого всегда «оставался уголок в сердце», разочаровала Александра Адуева еще больше, чем охлаждение к нему Наденьки Любецкой. Он остолбенел, увидав своего друга на Невском проспекте, по герою «побежали искры», «в глазах явились слезы» и захватило дух: «Я протянул ему руку и не мог от радости сказать ни слова... Он взял одну руку и пожал. «Здравствуй, Адуев!» – сказал он таким голосом, как будто мы вчера только с ним расстались ... при свидании, после долгой разлуки, с другом, он не мог отложить обеда...» [1, с. 152–153]. В мире, где правит расчет, дружба – это не «второе провидение», но приязнь, не чуждая практических соображений. Дружба должна быть удобной, по мнению Петра Ивановича Адуева. Но смириться с этим Александр Адуев не в силах: «Измена в любви, какое-то грубое, холодное забвение в дружбе... Да и вообще противно, гадко смотреть на людей, жить с ними. Все их мысли, слова, дела – все зиждется на песке ... Сегодня восхищаются одним, завтра ругают; сегодня горячи, нежны, завтра холодны... нет! Как посмотришь – страшна, противна жизнь!» [1, с. 162]. Изменить и преобразить такую несовершенную жизнь может творчество, в которое погружается Александр: «Он дал себе слово строго смотреть за собой и при первом случае уничтожить дядю: доказав ему, что никакая опытность не заменит того, что *вложено свыше*; что как он, Петр Иванович, там себе не проповедуй, а с этой минуты не сбудется ни одно из его холодных методических предсказаний. Александр сам найдет свой путь ... Он проник взглядом в тайники сердца, рассмотрел игру страстей, добыл себе тайну жизни ... Дядя увидит и в свою очередь разыграет впоследствии перед ним, опытным мастером, роль жалкого ученика; он узнает, к удивлению своему, что есть иная жизнь, иные отличия, иное счастье, кроме жалкой карьеры... Еще, еще одно благородное усилие – и борьба кончена!» [1, с. 172]. Попытка стать писателем и получить заслуженное признание оборачивается очередным фиаско. В отзыве на повесть Александра четко сказано, что ее автор «...не глуп, но что-то не путем сердит на весь мир. В каком озлобленном, ожесточенном духе пишет он! Верно разочарованный... Как жаль, что от фальшивого взгляда на жизнь гибнет у нас много дарований в пустых, бесплотных мечтах, в напрасных стремлениях к тому, к чему они не призваны» [1, с. 177]. Слог Александра хорош для работы в отделении сельского хозяйства, но не для творчества в сфере изящного.

Встреча Александра со своей новой возлюбленной происходит благодаря дядюшке, который поручил племяннику отвлечь слишком влюбчивого компаньона от траты общих капиталов на молодую красивую вдову Юлию Тафаеву. Казалось бы, вот оно счастье, уникальный шанс подарить свою любовь достойному человеку и быть любимым: «Вот о какой любви мечтал он: о сознательной, разумной, но вместе сильной, не знающей ничего вне

своей сферы ... Как благородно, непритворно, совсем без жеманства отдалась Юлия своему чувству! Она как будто ждала человека, понимающего глубоко любовь, – и человек явился... Какая отрада, какое блаженство... знать, что есть в мире существо, которое... помнит о нас... Они живут нераздельно в одной мысли, в одном чувстве: у них одно духовное око, один слух, один ум, одна душа...» [1, с. 195–196]. Однако роман Александра с Юлией Тафаевой далек от «идеала» счастливой «жизни друг для друга». На деле такая «любовь» оказывается проявлением эгоизма, разновидностью домашнего деспотизма. Юлия ревновала Александра даже к его тете Лизавете Александровне, «...не пускала его в театр, а к знакомым решительно почти никогда» [1, с. 206]. А Александр «... тиранил бедную женщину из любви, как другие не тиранят из ненависти ... Оскорбления, колкости, черные подозрения и упреки сыпались градом. Она тут же должна была оправдываться и откупаться разными пожертвованиями, безусловной покорностью: не говорить с тем, не сидеть там, не подходить туда...» [1, с. 206]. Вскоре Александру наскучила эгоистичная страсть Тафаевой: «Он стал размышлять, задумываться. Магический круг, в который заключена была его жизнь любовью, местами разорвался, и ему вдали показались то лица приятелей и ряд разгульных удовольствий, то блистательные балы с толпой красавиц, то вечно занятая и деловой дядя, то покинутые занятия...» [1, с. 208]. Герой приходит к выводу, что ему «скучно»: «Скучно! – подумал он, слово найдено! Да! это мучительная, убийственная скука ... О, боже мой, что мне делать?» [1, с. 210]. Честный и открытый разрыв для эгоистичного Александра не возможен; он «нападает на любовь», обвиняет во всем надоевшую ему Юлию. Вместо «удара судьбы» Александра постигла банальная усталость и желание свободы. При помощи дядюшки герою удается разорвать отношения с Юлией, ему «стыдно жить на свете» и он пытается как можно быстрее забыть неприятную ему историю любви с Тафаевой.

Ощущая себя «мелким», «ничтожным», «жалким» и «нищим духом», Александр погружается в мелкий обывательский мирок отставного чиновника Костякова. Приземленное существование без размышлений и без воспоминаний помогает забыться разочарованному романтику на какое-то время. Его новым увлечением становится очаровательная дачница Лиза. Но чувства героя притворные, он, скорее, играет роль страдальца, желая понравиться девушке. Разобрав свои ощущения до истока, Александр заключает: «Животное! ... так вот какая мысль бродит у меня в уме... а! обнаженные плечи, бюст, ножка... воспользоваться доверчивостью, неопытностью... обмануть...» [1, с. 240]. Очаровав нежную и доверчивую Лизу, Александр приходит на свидание в беседку, где его встречает не возлюбленная «Антигона», а ее разгневанный отец, который и выгоняет Александра с позором, как бессовестного волокиту: «Александр что-то хотел сказать, но старик отворил дверь и почти вытолкнул его... У моего героя брызнули даже слезы из глаз, слезы стыда, бешенства на самого себя, отчаяния...» [1, с. 243]. В эту минуту Александр даже думает «прекратить свое позорное существование», утопиться, но эффектная гибель не удалась, «мост заколебался у него под ногами; он оглянулся: боже мой! он на краю пропасти... Он собрал все силы и сделал отчаянный прыжок... на ту сторону» [1, с. 243]. Очевидно, что И.А. Гончаров проводит параллель между своей героиней – дачницей Лизой, и бедной Лизой Н.М. Карамзина. Но в «обыкновенной», житейской истории обольщение не состоялось, как и гибель сентиментальной героини, а также псевдоромантического героя. Со страданиями Лизы контрастирует авторский комментарий, открывающий всю трагичность жизни, в которой пошлость торжествует над идеалами: «... Лиза все ждала ... Она похудела; глаза у ней немного впали ... А Адуев с Костяковым давно уже удили где-то в противоположной стороне от этого места» [1, с. 244].

Александр терпит крах решительно во всем – разбиты надежды на «славу и фортуна», «на благородную» любовь, верную дружбу. Его возвращение в родную деревню лишь на мгновение дарит утраченную гармонию. Благодаря кольцевой композиции мы возвращаемся к началу повествования, но все знакомое теперь изменилось для Александра, хотя патриархальный мир остался прежним, изменилось видение его героем.

Конечно, мысль о прозаичности современной жизни заключена уже в заглавии произведения: это история обыкновенная, а не высокая, не героическая. Однако в конце произведения герои неожиданно меняются местами. Эта перемена есть, несомненно, необыкновенное в романе. Александр мыслил себя человеком необыкновенным, смотрел «на

толпу, как могут глядеть только герой, поэт и влюбленный» [1, с. 74]; но эту «необыкновенность» подавил своей прагматичностью Адуев-старший: «...Ты думал: ты особое существо, высшего разряда, необыкновенный человек ... Александр молчал ... Возражать было нечего» [1, с. 145]. Адуев-младший составлял оппозицию Адуеву-старшему потому, что смотрел на жизнь живо, с надеждой: «Необыкновенным и ценным свойством Александра было то, что в самой деятельности ... Адуев не приемлет рутины, формализма, мелочности... Чистая... душа Адуева, не чуждая порывов к славе, ужаснулась вопиющему разладу, который традиционно существует...» [9].

Сферу «необыкновенного» поддерживала жена Петра Ивановича – Лизавета Александровна, но ее, как и Александра, духовно убил Петр Иванович Адуев. Лизавета Александровна прошла «школу мужа», которой она сперва пыталась противостоять, и стала его «тенью», знающей только «свое дело». Племянник же превратился в дядю, в человека реального взгляда, который, несмотря на свое благополучие и успокоение, не смог сочетать в себе большое дело с истинно человеческой сущностью: «...Все приходит в свою обычную норму, то есть побеждает «проза» жизни, материальный расчет, забота о личном, «земном» благополучии, словом, происходит «обыкновенная» история» [9]. Но, как считает И.П. Щелбыкин, внешняя благополучная канва событий обманчива: «Автор упрятал в ней свою иронию и – скажу более – свою растерянность... Как же быть, кто сможет утвердить в жизни красоту, естественность отношений, возможность полезно трудиться на благо Отчизны? Ведь даже Петр Адуев – антипод Адуева-младшего, человек со многими положительными качествами – не смог справиться с вышеобозначенной ролью. Как сочетать, наконец, вдохновение с прозой, противоречиями жизни, как утвердить нравственный идеал, в том числе и в любовных отношениях – вот главные вопросы романа «Обыкновенная история» [9]. В конце романа Петр Иванович собирается изменить свою жизнь, продать завод, бросить службу, отказаться от звания тайного советника. Он мечтает уехать в Италию, чтобы попытаться воскресить жену. Теперь он хочет жить «не одной головой», в нем еще «не все застыло», но трудно восстановить угасающие силы жены, которую умертвила бесцветная и пустая жизнь. Такая же жизнь уготована будущей жене Александра Адуева, «богатой невесте», одобренной дядюшкой: «И карьера и фортуна... И какая фортуна! И вдруг! все! все!.. Александр! – гордо, торжественно прибавил он, – ты моя кровь, ты – Адуев! Так и быть, обними меня!» [1, с. 303]. В финальной главе, изображающей переродившегося героя, рефреном становится восклицивание Александра – «это необыкновенный случай» [1, с. 303]. На самом деле перед нами – «обыкновенная история»: «Александр Адуев не смог найти необходимой линии, хотя начинал свою жизнь с необыкновенного порыва к прекрасному, к одухотворенной деятельности, его отличала верность другим людям, в том числе в сфере любви, однако стал он в конечном счете заурядным дельцом, и это предельная, итоговая точка его эволюции» [9].

Итак, в романе есть два героя и две жизненных позиции; если первый герой романа «Обыкновенная история» – это идеалистический взгляд на мир, то второй герой романа – это реалистичное видение действительной жизни: «Один восторжен до сумасбродства, другой – ледян до ожесточения» [1, с. 151]. На протяжении всего романа читатель следит за двумя восприятиями мира – необыкновенным и обыкновенным, за двумя способами проживания жизни – чувством и рассудком. И.А. Гончаров, мыслитель и художник, не дает четкой авторской оценки изображаемого. Медленно текущая повседневная жизнь героев как бы говорит сама за себя, а И.А. Гончаров, как творец реалистический, кажется просто изображает явления такими, какие они есть на самом деле. Однако автор размышляет вместе с читателем о печальном для Александра итоге его героической позиции. По мнению романиста, этот итог вполне закономерен: «Ведь в новой жизни абсолютные ценности уже обусловлены относительными, свобода индивида – его общественными обязанностями, интересы отдельной личности – нуждами и требованиями массы» [8, с. 32]. Жизненная реальность неизбежно поглощает поэзию – такова одна из итоговых авторских мыслей произведения. Во второй части романа И.А. Гончаров подвергает испытанию взгляды и поведение постоянного оппонента Александра – Адуева-старшего, который абсолютизировал житейскую прозу. Релятивистское миропонимание и поведение героя подвергнуто авторской проверке: «...Суд над Адуевым-старшим Гончаров вершит с позиций именно тех

общечеловеческих ценностей (любовь, дружба, искренность и бескорыстие человеческих связей), которые Александр неоправданно отрывал от жизненной прозы, а Петр Иванович считал «мечтами, игрушками, обманом» [8, с. 33]. В эпилоге Петр Иванович Адуев, уже изрядно постаревший, утратил уверенность в своей правоте: «Показательны жалобы дядюшки на «судьбу», иначе говоря – ту высшую жизненную истину, которая не далась ему вопреки всей его практичности» [8, с. 33].

В романе «Обыкновенная история» говорится об «обыкновенных» вещах, составляющих «необыкновенный» смысл человеческой жизни. И.А. Гончаров отклоняет и псевдоромантическое, и сугубо прагматическое отношение к жизни: «Позиция Адуева-старшего оказывалась не противоядием, но всего лишь «дурной крайностью» крайних же взглядов Александра ... Истину жизни... писатель видит не в разрыве ценностей и целей абсолютно-вечных (духовных) и материально-относительных... чувства и разума, счастья и «дела» (долга), свободы и необходимости, поэзии и прозы, но в их взаимопроникновении и единстве, дающих человеку ощущение «полноты жизни» и цельности личности» [8, с. 34]. Стремление к единству, к целокупности есть немаловажная особенность поэтики и стиля И.А. Гончарова, несмотря на то, что принцип антитезы – композиционная основа романа «Обыкновенная история», в котором ведущими мотивами становятся мотивы «крайности», «страшного разлада», «раскола». Цельная, *реально-поэтическая личность* – труднодостижимый идеал, но, по замечанию В.А. Недзвецкого, «он содержится в письме Александра Адуева из Грачей к тетушке и дядюшке, которое венчает собою две основные части произведения» [8, с. 34]. В этом письме герой примиряет два мировосприятия, он наконец-то «растолковал себе жизнь», явив свой ум и благородство. В тот период своей жизни Александр Адуев перерос мечтательность и провинциальность, осознал себя «просто человеком», не лишенным «юношеских мечтаний» и веры в возможность одухотворить свою жизнь.

Важно отметить, что «чистота сердца» и «благородная душа» – элементы поэзии, способные преодолеть односторонний прозаизм. Открытый жизненной прозе роман И.А. Гончарова «Обыкновенная история» наполнен поэзией бытия, сквозь призму которой воспринимается и сама глубокомысленная объективная проза писателя.

Список использованных источников

1. Гончаров И.А. Обыкновенная история / И.А. Гончаров. – М.: Худож. лит., 1975. – 304 с.
2. Гете И.В. Собр. соч.: в 10 т. / И.В. Гете. – М.: Худож. лит., 1975–1980. – Т. 10. Об искусстве и литературе. – 1980. – 512 с.
3. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. / В.Г. Белинский. – М.: Худож. лит., 1976–1982. – Т. 8. Статьи, рецензии и заметки: сентябрь 1845 – март 1848. – 1982. – 784 с.
4. Постнов О.Г. Эстетика И.А. Гончарова: монография / О.Г. Постнов. – Новосибирск: Наука, 1997. – 240 с.
5. Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда (критические заметки) [Электронный ресурс] / И.А. Гончаров. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/texts/gs0/gs8/gs8-064-.htm>
6. Пруцков Н.И. Мастерство Гончарова-романиста / Н.И. Пруцков. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 230 с.
7. Пинженина Е.И. Автор и герой в художественном мире И.А. Гончарова (структура текста и типология характеров): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 «Русская литература» / Е.И. Пинженина. – Красноярск, 2011. – 24 с.
8. Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров – романист и художник / В.А. Недзвецкий. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 176 с.
9. Щеплыкин И.П. Необыкновенное в романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история» [Электронный ресурс] / И.П. Щеплыкин. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/sim/sim-075-.htm>

Розглядається поетика та стилістичні особливості прози І.О. Гончарова, для письменницької манери якого характерна об'єктивність, правдивість зображення повсякденного життя і звичайних лю-

дей. При «звичайності» погляду бачення світу у І.О. Гончарова вирізняється незвичайним охопленням емпіричної реальності, зримо втіленої у творах письменника. Проаналізувавши два світосприйняття у романі «Звичайна історія» – ідеалістичний погляд на світ і реалістичне бачення життя – відзначається, однак, що І.О. Гончаров, як вимогливий художник, прагне до цілокупності та єдності «звичайного» і «незвичайного», наповнюючи свою об'єктивну прозу поезією буття.

Ключові слова: стиль, поетика, світосприйняття, об'єктивність, звичайне, незвичайне, цілокупність.

The article deals with the poetics and stylistic features of I. A. Goncharov's prose, whose literary manner is characterized by objectivity, truthfulness of representation everyday life and ordinary people. At the «ordinariness» view, I. A. Goncharov's vision of the world distinguishes with extraordinary coverage of empirical reality, which is visibly embodied in the art works of the writer. After analyzing two perceptions of the world in the novel «A Common Story» – an idealistic view of the world and realistic vision of the life, it is noted, however, that I. A. Goncharov as an exacting artist seeks to the entirety and unity of «ordinary» and «extraordinary», filling his impartial prose with poetry of entity.

Key words: style, poetics, perception of the world, vision, impartiality, ordinary, extraordinary, entirety.

Одержано 12.09.2013.